

Книги Андрея Белянина,
вышедшие в
«Издательстве АЛЬФА-КНИГА»

Трилогия «МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»

«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«СВИРЕПЫЙ ЛАНДГРАФ»
«ВЕК СВЯТОГО СКИМИНОКА»

Диалогия «МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»

«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«СЕСТРЁНКА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ»

«ДЖЕК СУМАСШЕДШИЙ КОРОЛЬ»

«РЫЖИЙ И ПОЛОСАТЫЙ»
«РЫЖИЙ РЫЦАРЬ»
«ВКУС ВАМПИРА»
«ОХОТА НА ГУСАРА»
«МОЦАРТ»

«СОТНИК И БАСУРМАНСКИЙ ЦАРЬ»
«НОЧЬ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»

«ИЗГОНЯЮЩИЙ БЕСОВ»
«ОРДЕН БЕСОГОНОВ»

«ДЕМОН ПО ВЫЗОВУ»
«ДЕМОН С СОСЕДНЕЙ УЛИЦЫ»

Диалогия «КАЗАК НА ТОМ СВЕТЕ»

«КАЗАК В РАЮ»
«КАЗАК В АДУ»

Трилогия «ААРГХ»

«ААРГХ»
«ААРГХ В ЭЛЬФЯТНИКЕ»
«ААРГХ НА ТРОНЕ»

В соавторстве с Галиной Черной
«ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБОРОТЕНЬ»

«КАНИКУЛЫ ОБОРОТНЕЙ»
«ХРОНИКИ ОБОРОТНЕЙ»
«ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБОРОТНЕЙ»
«ИСТОРИИ ОБОРОТНЕЙ»
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОБОРОТНЕЙ»
«АРХИВЫ ОБОРОТНЕЙ»
«МЕМУАРЫ ОБОРОТНЕЙ»

«ЛАЙНЕР ВАМПИРОВ»
«ВСЕ АРЕСТОВАНЫ!»
«ОТЕЛЬ «У ПРИЗРАКА»

В соавторстве с Игорем Касиловым
«ГАВРЮША И КРАСИВЫЕ»
«ГАВРЮША И КРАСИВЫЕ.
ДВА ДОМОВЫХ ДОМА»

С Пламеном Митревым (перевод и редакция)
«ВЕСЛОМ ПО ФЬОРДУ!»

С Христо Поштаковым (перевод и редакция)

«МЕЧ, МАГИЯ И ЧЕЛЮСТИ»
«ГАСИ АМЕРИКУ!»

Сериал

«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ»
«ОТСТРЕЛ НЕВЕСТ»

«ДЕЛО ТРЕЗВЫХ СКОМОРОХОВ»
«ОПЕРГРУППА В ДЕРЕВНЕ»
«ЖЕНИТЬСЯ И ОБЕЗВРЕДИТЬ»
«РЖАВЫЙ МЕЧ ЦАРЯ ГОРОХА»
«ЧЁРНЫЙ МЕЧ ЦАРЯ КОЩЕЯ»
«ВЗЯТЬ ЖИВЫМ МЁРТВОГО»

Трилогия «БАГДАДСКИЙ ВОР»

«БАГДАДСКИЙ ВОР»
«ПОСРАМИТЕЛЬ ШАЙТАНА»
«ВЕРНИТЕ ВОРА!»

Цикл «ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»

«ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»
«КОЛДУН НА ЗАВТРАК»
«ХВАТАЙ ИЛОВАЙСКОГО!»

Цикл «ГРАНИЧАРЫ»

«ЗАМОК БЕЛОГО ВОЛКА»
«ДОЧЬ БЕЛОГО ВОЛКА»
«КЛАН БЕЛОГО ВОЛКА»
«ЧЕСТЬ БЕЛОГО ВОЛКА»

Цикл «МОЙ УЧИТЕЛЬ ЛИС»

«МОЙ УЧИТЕЛЬ ЛИС»
«ЕГИПЕТСКАЯ СИЛА»
«ВОЗДУШНЫЙ ПОЦЕЛУЙ»

«ПАСТУХ МЕДВЕДЕЙ»

Стихи

«ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ АПОСТОЛ»

Стихи

«ЛАНА»

«ШАШКА»
«КИНЖАЛ»
«ГРУЗИНСКОЕ ОРУЖИЕ»
«САБЛЯ»

Андрей Белянин и его друзья

«КАЗАЧЬИ СКАЗКИ»
«ДНЕВНИК КОТА С ЛИМОНАДНЫМ ИМЕНЕМ»
«ЧЕГО ХОТЯТ ДЕМОНЫ»
«АНГЕЛ БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ»
«НЕ НАДО, АЗРИЭЛЛА!»

С Карен Махони (перевод и редакция)

«ТЕНЬ КОТА-ВАМПИРА»

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

ВОЗДУШНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

РОМАН

Москва, 2019
ЭАРМАДА
&
«Издательство А.ЛЪФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1194

Художник
И. Воронин

В книге использованы рисунки А. Беянина

Беянин А. О.

Б43 Воздушный поцелуй: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 281 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2999-8

Мой учитель Лис, благородный джентльмен из «близких к природе», с усами и рыжим хвостом. В туманной Великобритании его называют мистер Ренар, во Франции — месье Ренье, в России — господин Лисицын, а в Китае — мастер Лю Сицинь. Он носит трость с клинком внутри, пьёт кофе по-бретонски, ничего не боится и способен найти общий язык с кем угодно.

А ещё Лис частный консультант Скотленд-Ярда, способный разгадать любую загадку, помогающий полиции раскрывать самые страшные преступления, ставя точку в карьере любого злодея!

В мои же скромные обязанности входит лишь сопровождать его везде, тщательно записывая все наши приключения — от предательского выстрела в спину до воздушного поцелуя...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Беянин А. О., 2019
© Рисунки, Беянин А. О., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2999-8

Глава 1

ВОЛК В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ

Мой учитель лис. Наверное, с высоты прожитых лет и жизненного опыта оба этих слова стоило бы написать с большой буквы: и Учитель и Лис! Позволительно ли это? Не знаю. Но всегда важно уметь отделять главное от второстепенного, это позволяет не впасть в самоуничижение или фальшивую театральность, как мне кажется.

Так вот, главное, что он был Лис. Самый настоящий рыжий лис, с усами и хвостом. Его звали мистер Ренар или месье Ренье, господин Лисицын, мастер Лю Сицинь плюс дополнительная куча самых разных имён на десятке европейских и азиатских языков. Лис отзывался на все.

И да, он был Учитель. В самом высоком смысле этого слова, хотя в юности невольно опасаясь высокопарных фраз, пытаюсь упростить и переделать мир по собственному образу и подобию. Я тоже был таким в свои четырнадцать, когда на осенней лондонской улице произошла моя первая встреча с этим удивительным зверем.

Хотя этично ли в данном контексте упоминать слово «зверь»? Ведь после пролёта рядом с нашей планетой знаменитой кометы тысяча восемьсот двенадцатого года и тех не объяснимых учёными последствий после неё на Земле, что выразилось в появлении разумных прямоходящих животных, наш мир кардинально изменился.

Вначале люди воевали с ними, но это привело не к ненависти, а к взаимоуважению, и мы стали наводить мос-

ты. Вскоре их уже толерантно называли «близкие к природе». Разумные звери нашли себе место среди людей, они работали, служили, творчески самовыражались практически во всех сферах жизни. Более того, постепенно они стали вхожи во власть и парламент, а англиканская церковь первой сняла запрет на межвидовые браки.

Правда, остальные с этим не спешили, но это уж пусть останется на их совести. В ряде вопросов Британия всегда была и будет на шаг впереди остальных стран, именно поэтому её и называют Великобритания!

Но ох и ах, Ньютон-шестикрылый, простите заболтавшегося старика. Наверное, правильной было бы сначала представиться, а уж потом молотить языком. Итак, я Эдмунд Алистер Кроули, эсквайр, давно переехавший в тихий полусонный Уэльс, терпеливо приветствуя оставленные мне Богом дни, но раньше, когда я был молод и когда моим учителем был Лис...

Мальчишкой я жил в Лондоне, в районе старого Челси, мои родители рано умерли. Мать скосила болезнь, а отец погиб на улице от ножа пьяного грабителя. Я хорошо помнил их обоих. С материнской стороны мне досталась не приличествующая суровому англичанину внешность, то есть я был... как бы точнее выразиться... красавчик.

Русые, слегка вьющиеся волосы, правильные черты лица, римский профиль, прямая спина, развёрнутые плечи. Девочки и даже девицы никогда не обделяли меня благосклонным взглядом. От отца же я унаследовал любовь к знаниям и некоторые способности к изобретательству.

В свои четырнадцать я учился в школе для мальчиков, живя вместе с единственной бабушкой, вдовой флотского боцмана или старшины (она сама путалась в показаниях), в крохотной двухкомнатной квартирке. Старушка та ещё, ни дня без ругани, рома, трубки и тумачков. Но волей капризной фортуны мне вдруг повезло получить место секре-

таря-помощника-ученика у экстравагантного джентльмена с рыжим хвостом. Он просто отбил меня на улице у шайки хулиганов.

Это был самый крутой поворот судьбы, о котором можно было только мечтать. Я попал в роскошный дом, расположенный в приличном квартале, где у меня была собственная комната, своя лаборатория для экспериментов с электричеством, вышколенный дворецкий, домашнее обучение на трёх языках, полный пансион плюс ещё и достойная зарплата! Кто бы не мечтал о таком?

Взамен с меня всего лишь требовалось вести самые тщательные записи о работе и приключениях моего хозяина, мистера Ренара, внештатного частного консультанта, чтоб его, великого и непогрешимого Скотленд-Ярда! Пресвятой электрод Аквинский!

В результате мы с ним вечно ввязывались в какие-то жуткие детективные истории, переходили дорожку лондонскому криминалу, боролись с преступниками всех видов и мастей, практически ежедневно рискуя своим здоровьем и даже самой жизнью!

Напомню, в первые же дни моего ученичества я получил новое имя, теперь меня зовут Майкл, в честь русского учёного Майкла Ломонософфа. Но это тоже временно, Лис обещал переименовать меня в Герберта, Джорджа или Сэмюэля, если я буду справляться. А пока что его и меня вполне устраивает Майкл. Хвала всем богам химии, физики и электричества!

В меня, наверное, сто пятьсот раз стреляли, пытались отравить, зарезать, придушить, избить или хотя бы покусать. Я водил знакомство с высшими чинами полиции и самыми отъявленными злодеями, я научился драться так, что мог в одиночку противостоять банде Большого Вилли, я разработал и опробовал в полевых условиях специальную дубинку собственного изобретения, способную наносить преступнику электрический разряд, с места вы-

рубающий лошадь. И да, скажу честно, мне дико нравилась эта жизнь!

Вот почему сейчас я хочу мысленно вернуться в ту далёкую-далёкую осень, когда свинцовая пуля, прилетевшая неизвестно откуда, разбила зеркало над головой моего учителя и довольный лис Ренар заговорщицки подмигнул мне:

— Как ты можешь спать, мальчик мой, если впереди у нас вырисовывается новое приключение?!

Вот и всё предисловие. О том, что было дальше, я буду рассказывать по порядку, ничего не приукрашивая и не добавляя от себя. В тот вечер, когда в моего наставника стреляли, больше не произошло ничего особенного. Мы не бросились в погоню, не стали обращаться в полицию, старый дворецкий Шарль, лысый как яблоко и худой как трость, свинченая из стальных пружин, не спеша задёрнул портьеры и, выйдя на улицу, аккуратно смёл мелкие осколки стекла с тротуара.

Мне было велено отправляться к себе, полчаса читать перед сном. Сколько помню, это была довольно толстая книга «Витязь в тигровой шкуре», вольный английский перевод грузинского фольклора. Само стихотворное повествование казалось мне достаточно наивным, а поступки вечно плачущих героев вызывали скорее желание дать им шваброй по башке, может, хоть так поумнеют, но в целом эпопея дышала идеями романтизма, благородства, сентиментальности, любви и верности долгу.

Не берусь судить о её литературных достоинствах, но как снотворное она оправдывала себя на все сто! Я помню только, как у меня зачесались глаза и подушка услужливо подставила своё мягкое плечо. А вот снов, кажется, не было, а если и были, то я их не запомнил. Что-то рваное, несвязное, то ли погони, то ли игра в догонялки, но когда, где и с кем? Увы...

Утром меня разбудил старый дворецкий. Если вы забыли, то моя побудка в его исполнении выглядит пример-

но следующим образом: пока он открывает дверь в мою комнату и делает четыре шага до моей кровати, я должен успеть проснуться и вскочить на ноги, если не хочу огрести по спине веником. А я не хочу.

— Утро.

— Да. — Я встал навтыжку, задрал подбородок, руки по швам вдоль ночной рубашки, пятки вместе, носки врозь.

Бывший офицер французской армии и неоднократно чемпион полка по савату позволил себе едва заметную снисходительную полуулыбку, иногда она могла выражать даже одобрение. Он показал мне две рапиры в чехах.

— Десять минут на гигиену и заправку постели. Месье Ренье разрешил нам перейти к занятиям с тренировочным оружием.

— Уф... — тихо выдохнул я. Спортивное оружие не заточено и защищено стальным шариком на конце. Это не больно и не страшно.

— Но я настоял на боевом.

Иногда мне кажется, что я напрасно родился...

— Осталось восемь минут.

...Не хочу утомлять дотошного читателя: скажем так, к завтраку я спустился своими ногами, хоть они изрядно заплетались в ритме английской джиги, украшенные шестью или семью неглубокими, но вполне себе чувствительными царапинами. Разумеется, если бы Шарль задался целью всерьёз разобраться со мной, он бы управился примерно в десять — пятнадцать секунд, но, хвала электроду Аквинскому, ему была поставлена задача учить, а не убивать.

— Майкл, мальчик мой?

— Сэр?

— Ты в порядке?

— Э-э, риторический вопрос, сэр?

На этом обмен вопросительными предложениями иссяк. Ренар поправил изящные очки в серебряной оправе, сдвинув их на кончик носа, и пристально осмотрел меня с головы до ног. Видимо, осмотр всё-таки в той или иной мере удовлетворил моего учителя, поскольку он улыбнулся во всю пасть и широким жестом указал мне на стул.

— Завтрак стынет. А Шарль очень старался, надеюсь, ты отдашь должное его супу-пюре из шампиньонов по-бургундски с коньяком, специями и прованскими травами. Кроме того, у нас сегодня поджаренный хлеб с солёным маслом и зеленью, яйца пашот, подкопчённая голландская селёдка и шоколадный мусс на десерт. Ах да, твой чай со сливками!

Я понял, что жизнь всё ещё прекрасна. Пока мы оба отдавали должное великолепному завтраку, дворецкий подал две телеграммы на серебряном подносе. Лис быстро прочёл обе и, скомкав, бросил в камин: либо ничего серьёзного, либо он не хотел оставлять улики. Никто никогда не в состоянии предугадать ход его мыслей, поэтому лучше просто молчать с набитым ртом, как истинный британец. Что я и делал...

— Майкл? У меня для тебя печальное известие. Милая мадемуазель Кристи вместе со своим дедом-часовщиком отправилась домой в Лион. У полиции больше нет к нему вопросов, он признан невинной жертвой обстоятельств.

Я с трудом сдержал радостный вопль аборигенов из затерянных джунглей Амазонии.

— Да, она хотела с тобой попрощаться, но я счёл, что юному джентльмену не к лицу лишняя сентиментальность. Объятия, поцелуйчики, обещания встречи, розовые муси-пуси! Ты ведь не хотел всего этого?

— Нет, сэр, — уверенно соврал я, хотя в груди вдруг возникла невнятная обида, потому что, оказывается, именно этого я и хотел.

Да, невероятным образом я даже успел соскучиться по этой взбалмошной маленькой француженке, а он взял и

всё решил за меня. Даже не спросив ни разу, как будто я пустое место, а не человек. Просто поставил перед фактом, и всё. Шоколадный мусс почему-то стал горчить, и, наверное, это было видно по моему лицу, поскольку мой наставник уже приготовился съязвить, когда...

— Месье? — В гостиную шагнул старый дворецкий. — К вам посетитель, вот его карточка.

— Хм, мистер... «Джон Энтони Хоуп, домовладелец в Сити». Помнится, это весьма перспективный деловой район на северном берегу Темзы. Что же ему угодно?

— Мне угодно вас видеть, сэ-р-р! — С раскатистым, но неграссирующим «р» к нам без приглашения ввалился толстый краснощёкий джентльмен с рыжими бакенбардами, лысый, с круглым котелком в руках, в недешёвом макинтоше, с клетчатым шарфом на шее. — Я не позволю вам меня дур-рачить, сэ-р-р!

Мистер Ренар крайне спокойно снял очки, протёр их салфеткой и вложил в нагрудный карман шёлкового домашнего халата. На его морде лица не отражалось ничего, он был спокоен, как меловые скалы, и в глазах его сияло достоинство истинного сына Британских островов. Я невольно залюбовался лисом...

— Мне сказали, что вы ищейка и способны помочь в моём вопр-росе. Но имейте в виду, что я ни на пенс не вер-рю таким, как вы, сэ-р-р! Да-с, именно так!

— Не настроен с вами спорить. У вас хорошая память, вы ведь сами найдёте выход?

— Меня ещё никто... никто не смел... выпр-роваживать, нахальный мошенник!

— Видимо, у нас вы приобретёте новый жизненный опыт. Шарль, старина, будьте добры, укажите мистеру Хоупу на дверь.

— Что?! — буквально взревел незванный гость, и физиономия его так покраснела, словно сию же минуту была готова лопнуть томатными брызгами во все стороны. — Да

как вы смеете, негодяй?! Да я вас... Да я этого вашего двор-рецкого в пор-рошок сотр-ру, я...

— Ох, Ньютон-шестикрылый! — Тихо присвистнув в потолок, я откинулся на стуле.

Просто надо было знать, кто такой Шарль, а уж именно это я отлично знал, так как ощущал на своей собственной шкуре, причём ежедневно.

Не прошло и полминуты, как наш краснощёкий хамоватый гость, скатанный в компактную шарообразную форму, вылетел с нашего крыльца, подброшенный на пару фунтов вверх добрым пинком! Вот так-то...

Наверное, стоило бы поаплодировать, но, увы, ровно через пятнадцать минут он вновь стучался в наши двери, и теперь его поддерживал суровый инспектор Скотленд-Ярда мистер Хаггерт. Человек, которому лис Ренар никогда не мог отказать в просьбе о содействии.

Не знаю, с чем связана такая странная благотворительность, разве что инспектор в своё время как-то умудрился спасти жизнь моего рыжехвостого наставника? И то в подобном случае было бы довольно одного рукопожатия как знака обычной благодарности джентльмена джентльмену, не более.

— Месье?

— Пригласите их, Шарль.

Я быстро помог убрать со стола. Не то чтобы это всегда входило в мои обязанности, но так или иначе, когда трое мужчин делят одну крышу над головой, то волей или неволей они привыкают чисто автоматически помогать друг другу. И да, хотя работа секретаря заключается в постоянном контакте с бумагами работодателя, но, с другой стороны, нет ничего предосудительного в том, чтобы иногда подстраховать дворецкого. По крайней мере, я не чувствовал себя от этого угнетённым или чрезмерно перегруженным.

Подумаешь, отнёс поднос с посудой на кухню и складировал его в мойку. Зато потом надо было бежать со всех

ног, ибо Лис не поощрял опозданий, но всегда требовал полного отчёта по всем записям наших дел. Пока гости снимали мокрые плащи и шляпы, я встал у окна с раскрытым блокнотом и электрическим пером в руках ровно в ту же минуту, как хозяин дома предложил им присесть у пылающего камина.

— Прошу прощения за некоторую вспыльчивость мистера Хоупа, — прокашлялся инспектор, расправляя густые усы, изрядно подёрнутые сединой. — Отвратительная погода в Лондоне, дождь просто льёт второй день, меняя лишь угол наклона, силу и направление, кхм...

В ту же секунду старый дворецкий поставил перед ним широкий бокал шотландского виски безо льда.

— Я на службе.

— Шарль, замените виски на бренди! — благосклонно кивнул мой учитель.

— А мне двойной бур-рбон, — безапелляционно потребовал наш неприятный гость, поэтому никто из нас и головы не повернул. Он обиделся и скрестил руки на груди, явно пытаясь взглядом прожечь дырку в ковре. Хорошее занятие для медитации, но не более.

— Итак, инспектор?

Мистер Хаггерт сделал большой глоток бренди, одобрительно кивнул нашему дворецкому и, поставив бокал на стол, вытащил из-за пазухи сложенную вчетверо газету. Когда он небрежно развернул её, протягивая мистери Ренару, я автоматически отметил дату, это была позавчерашняя «Таймс». Кому-то важны старые новости?

Мой учитель вновь достал из кармана очки. Да, у него было отличное зрение, но лис в очках всегда выглядит солидней и умнее. Человек, впрочем, тоже. Как мне кажется.

После того как Лис бегло окинул взглядом первую же страницу, глаза его заблестели.

— Кажется, я понимаю причину вашего раздражения, мистер Хоуп. Если бы меня так же бесстыдно обманули,

я ругался бы так, что покраснели бы все кебмены от Челси до Вестминстера!

— Вот именно, сэ-р-р!

— Пожалуй, вы заслужили глоток горячительного. Но мне нужны детали.

Мистер Хоуп вытер лицо большим платком размером с наволочку, цапнул поданный дворецким коньяк и, выпив его одним махом, занюхал рукавом. Манеры те ещё...

— А что особенного в этой газете, сэ-р? — пользуясь заминкой, тихо спросил я.

— Понятия не имею, мой мальчик. Но ты же видишь, этого весьма гнусного типа привёл сам инспектор. Мы просто подыграем ему, иначе провозимся тут до вечера, а у меня были планы на театр. Сегодня ставят экспериментальную версию старого доброго «Риголетто». Как ты относишься к классической итальянской опере?

Отвечать, что пока никак, поскольку ещё ни разу её не слышал, мне не пришлось. Наш лысый гость, шумно высморкавшись, пустился в рассказ. Не особо надеясь на память, с вашего разрешения, я просто воспользуюсь синопсисом в своих старых записях, ибо это вечное «р-р» уже начинало действовать на нервы с завидной стабильностью. Краткий пересказ по существу всегда лучше.

Итак, мистер Хоуп, вдовец, дядюшка беспутного, по его выражению, племянника, владеет двумя доходными домами в Сити, в которых сдаёт меблированные комнаты. Как простым жильцам, так и под конторы или приёмные разных маленьких компаний. Сам он живёт с экономкой в небольшом коттедже напротив, ежедневно проверяя жильцов и самостоятельно взимая с них плату. Экономка из «близких к природе», юная, но очень ответственная овечка из Бельгии.

Месяц назад мистер Хоуп стал замечать странные вещи. Во-первых, он вдруг начал резко лысеть и его (по его же уверению!) роскошные рыжие кудри до плеч стали выпадать прядями. К врачам он не обращался по причине

гордости, а парик не надевал из чувства собственного достоинства.

— Так вот что я вам скажу, сэр-р, меня тр-равят!

— Помилуйте, кто же? — неискренне удивился мой учитель, только чтоб поддержать разговор.

— Да мой же племянник! Пр-роклый выр-родок Эльтон Хоуп, незаконнорожденный сын моего пр-ропавшего бр-рата! Увер-ряю вас, джентльмены, этот мер-рзавец на всё способен. Он игр-рок, кур-рит опиум, пр-ропадает ночами в подозр-рительных местечках у лондонского пор-рта и хочет моей смер-рти. Я подозр-реваю, что он и пр-риложил р-руку к исчезновению собственного отца!

Я поймал скучающий взгляд мистера Ренара, в его глазах читалось желание никогда в жизни больше не произносить букву «эр». Инспектор лишь кротко вздохнул, словно бы уже сожалея о том, что ввязался в это дело, и Шарль мгновенно повторил его бренди.

— Что ж, мистер Хоуп, чего вы хотите от меня лично?

— От вас-то? Да ничего, вы такой же пр-рохвост, как и мой племянничек, — нагло срыгнул гость. — Но я готов заплатить тысячу фунтов тому, кто докажет его вину в смер-рти моего бедного бр-рата...

— Смерти или исчезновении? — быстро уточнил Лис, прежде чем дворецкий вознамерился взять мистера Хоупа за шиворот.

— Не знаю, как тут у вас, сэр-р, но у нас, добр-ропорядочных англичан, если человек исчезает на месяц, не подавая о себе вестей, его принято считать мёр-ртвым! Так-то, сэр-р!

— Отлично, я берусь за ваше дело.

— Для таких дел я не нанимаю животных, сэр-р!

— Мистер Хоуп, — насколько осторожно начал Хаггерт, настолько же грозно закончил: — Я пошёл вам навстречу, но, если вы сию же минуту не извинитесь перед хозяином этого дома, я самолично так врежу по вашей охреневшей физиономии, что вы будете лететь отсюда пря-

миком до чаринг-кросской лечебницы для душевнобольных, где вам самое место!

— Ах, не надо ссориться из-за меня, джентльмены, — тонко улыбнулся мой наставник. — В конце концов, я не принцесса и даже не королева Англии, чтобы ради защиты моей чести ломать копья. Предлагаю разумный компромисс.

Все обернулись в его сторону.

— Итак, мистер Хоуп, если я распутаю ваше дело за три дня, вы платите мне тысячу фунтов, если нет, то я вам. Заключить пари — это же не нанять на работу, верно? По рукам?

— Идёт, сэ-р-р.

Гость встал и протянул ладонь Лису. После рукопожатия тот добавил:

— Но в качестве гарантии мы оба прямо сейчас выпишем чеки на имя друг друга. И передадим их уважаемому инспектору как третейскому судье.

— То есть вы не доверяете моему слову, сэ-р-р?!

— Не более, чем вы моему.

После недолгого размышления у меня забрали электрическое перо, в двух чековых книжках были произведены соответствующие записи, поставлены автографы, и оба подписанных листка исчезли во внутреннем кармане мундира мистера Хаггерта. После чего домовладелец расхохотался нам в лицо и, демонстративно оттолкнув пустой бокал из-под коньяка, наконец-то покинул наш дом.

— На редкость неприятная скотина, не находите?

— Не то слово, инспектор. Где вы вообще его подобрали?

— Да у ваших дверей, дорогой друг, — чуть удивился Хаггерт. — Просто проходил мимо, вижу, как с вашего порога летит неизвестный тип, пашет носом мостовую у моих ног и, подняв глаза, требует от полиции вмешаться в это дело. Он узнал меня, что мне оставалось?

— Парламент уже принял новый закон, не позволяющий честному англичанину спустить мерзавца с лестницы? — невольно спросил я.

Мне удалось привлечь к себе внимание.

— Майкл, как ты мог себе такое позволить?

— Прошу прощения, джентльмены, но...

— Ренар, не давите на мальчишку, он прав, — вступился за меня инспектор, бросая тоскливый взгляд на дворецкого, но, видимо, бренди закончился, тот отрицательно помотал головой. — Это я пошёл по пути наименьшего сопротивления. В конце концов, кто знает, возможно, здесь действительно что-то нечисто. Мы с вами живём в Лондоне, это огромный город, да тут у нас каждый день где-нибудь кого-нибудь чем-нибудь ради чего-нибудь, но непременно убивают...

В общем, мы ввязались в это мутное дело только потому, что тот же мой рыжий наставник вёлся на загадки легче, чем двухнедельный котёнок на игру с бантиком. Он обожал тайны, смеялся, когда судьба посылала ему вызов, и умел «разговаривать с людьми», это первый и единственный постулат его дедуктивного метода. Ну плюс ещё цепкая память, владение несколькими языками, отличная спортивная форма и ненавязчивое, чисто британское, чувство юмора.

— Мальчик мой, у тебя пять минут на сборы.

— Дубинку брать?

— Если ты в ней уверен...

— Э-э, сэр, пожалуй, я возьму зонт. В такой дождь электричество может закортить не в ту сторону.

— Отлично. Шарль?

— Кеб будет у дверей через пять минут, месье.

Вот в такой полувоенной атмосфере мужского взаимопонимания мы строили наш быт. Раз в неделю мне позволялось навещать любимую (возможно, это слово надо заключить в кавычки?) бабушку. Остальное время мы проводили в мужском триумvirате.

Нет, мой учитель отнюдь не чурался женщин, вспомнить хоть ту же Крейзи Лизу. Его французская половина всегда имела место быть, проявляясь в галантности, вежливости и безусловном такте в обращении с абсолютно любой женщиной, аристократкой или простолюдинкой. Но всё равно в душе он был убеждённый английский холостяк.

Чуть забегаю вперёд, с прискорбием скажу, что именно женщине и был посвящён его последний воздушный поцелуй. Но это ещё когда...

Ровно через пять минут мы под большим зонтом стояли на крыльце нашего дома перед Тауэрским мостом, а незнакомый мне пегий кебмен спускал пар, давя на тормоза.

— Куда угодно джентльменам?

— Сити, доходные дома мистера Хоупа.

— Знаем, сэр. Старшего или младшего?

— А что, они владеют разным имуществом? — мгновенно заинтересовался Ренар, попросту перебираясь на сиденье возницы и подвигая пегого коня. — Едем вперёд, расскажете по дороге. Плачу двойную таксу!

— Это же собака, сэр, — попытался пошутить кебмен, и, к моему удивлению, Лис нарочито громко расхохотался:

— Да вы шутник, приятель! А ну-ка выдайте что-нибудь ещё...

Кебмен зарычал, и машина, грохоча железными ободами по булыжникам, неспешно пошла в указанном направлении. Через несколько минут мокрый Лис текучим движением скользнул ко мне в кабину. Он приложил палец к губам и закрыл глаза, откинувшись на кожаных подушках. Я тоже уже знал, когда стоит беспокоить его вопросами, а когда разумнее подождать. Сейчас следовало точно так же запрокинуть голову, отключить мозг и вслушаться в бодрое пение лондонских кебменов...

Как-то утром, на рассвете, заглянул в любимый сад —

Там армянка с молдаванкой мой воруют виноград!

Я краснею, я бледнею, захотелось вдруг орать:

— Чтоб... вас друг за дружкой... длинной розгой, вашу мать!

Песня, кстати, была довольно бодренькой и вполне себе мелодичной. Все кебмены от Лиссабона до Владивостока поют, но не все хорошо. Признаем, справедливости ради, что они и не оперному искусству обучались, да? Лошадям вообще трудно играть даже на музыкальных инструментах, быть может, за исключением разве что литавр или абхазских барабанов.

Это только в Венеции считается, что каждый гондольер всенепременно гениальный оперный певец! У нас здесь всё несколько проще, но со своим местным колоритом. За что мы и платим чаще всего больной головой и zasevшей где-то глубоко в ней пошлой бульварной песенкой, от которой никак не удаётся избавиться, точно от вечно ноющего зуба, что так жалко тем не менее отдать клещам стоматолога.

— Доходные дома братьев Хоуп, сэр, — почтительно доложил кебмен, приподнимая котелок.

Мой учитель привычным жестом, не оборачиваясь, подбросил монету вверх, так что, кувыряясь, она прямёхонько упала в подставленный головной убор. Я раз сорок учился этому трюку у себя в мастерской, — ни черта не получается! Как он это делает, ума не приложу.

Наверное, надо долго тренироваться, лет сто, не меньше...

Мы вышли на перекрёстке, искомые дома находились напротив. Два трёхэтажных здания самой простой постройки, без излишеств, но не лишённые некой элегантности. Мне доводилось в таких бывать, если вы помните дело о спасении рядового немца.

Тогда в помощь нам сыграла царская разведка, до сих пор у меня пробегает лёгкий холодок по спине, когда перед внутренним взором встаёт улыбчивая пасть волка, русского волка из внешней разведки. Он ещё от души предлагал перейти к ним на службу в Санкт-Петербург, но у меня хватило ума вежливо отказаться. И хотя потом, в зрелые годы, я воевал на стороне России, всё равно тог-

да моё решение остаться в Лондоне было правильным, и я о нём никогда не жалел...

— Куда мы сейчас, сэр?

— Мы разделимся, мой мальчик, — беззаботно махнул хвостом мистер Лис. — Допустим, ты прибыл поездом из Уэльса, ненароком заблудился на вокзале, а здесь ищешь своего троюродного, а лучше четвероюродного дядюшку Джошуа Хоупа. Нам нужно выяснить, когда он пропал, как и куда? Твой дом справа. Или слева. Нет, точно справа. Или точно... короче, сам выбирай!

— А вы?

— А я пойду в другой. Встречаемся здесь же, на перекрёстке, через пятнадцать — двадцать минут. Всё ясно, у матросов нет вопросов?

— Где тут матросы, сэр?

— Ты туп или просто язвитель?

— Туп, сэр.

— Ма-айкл, — с уважением протянул мистер Ренар, театрально хлопая в ладоши. — Ты растёшь у меня на глазах. Совсем скоро наступит время, когда уже я буду учиться у тебя! Не сочти это комплиментом.

— И в мыслях не было, сэр, — столь же искренне признал я.

Он ни на секунду не поверил, но слегка приподнял край дорогого цилиндра, после чего молча отправился к дому справа. Получается, что мне без вариантов достанется тот дом, что слева. Я так же молча сложил тяжёлый зонт и, положив его на плечо, направил стопы свои в указанном направлении. В конце концов, это не первое задание подобного толка и я прекрасно знал, чего от меня ждут и что я должен сделать.

Подойдя к трёхэтажному кирпичному дому, сверкающему прошлогодней покраской, я толкнул тяжёлую дверь и был встречен довольно молодым портье, который сидел за столиком в парадном. Парню было от силы шестнад-

цать, но чувствовалось, что он нюхнул пороху и знает что почём.

Поэтому диалог между нами был достаточно прямолинейен и короток: просто посмотрев друг другу в глаза, мы оба поняли, что самый лучший разговор — это честный! Пустое мальчишеское враньё и я и он почуяли бы за версту. Мы говорили кратко, но содержательно:

— Мистер?

— Сэр?

— Да ладно?

— Ты первый начал, и?..

— Ищу сэра Джошуа Хоупа.

— Зачем?

— Надо.

— Принято, но его нет уже больше месяца.

— Куда делся?

— Спроси его толстого братца.

— Он не знает. Считает, что в деле замешан его сын-наркоман.

— Ну не сказал бы...

— Что именно?

— Ничего.

— Моё почтение, — благородно поклонился я.

Мне было отвечено столь же вежливым кивком, мы оба были джентльменами, у обоих белые воротнички, волосы подстрижены, под ногтями чисто, нос вверх, британская кровь и самомнение. Без самомнения нет истинного британца, это уже априори. Но тем не менее мы прекрасно поняли друг друга, и я счёл свои служебные обязанности выполненными.

Что ж, если вычленишь всё самое важное из нашей полноценной беседы, то получается, что брат мистера Хоупа действительно исчез, но есть люди, которые сомневаются в пристрастии его сына к опиумному дурману. Последнее более важно, чем первое. И, судя по тому, как от второго дома шагнул ко мне мой учитель, он справился со своей

частью задачи чуть быстрее, чем я. И, пожалуй, с тем же успехом.

— Докладывай, мальчик мой?

Я быстро выложил всё, что удалось узнать. Лис рассеянно покивал и указал лапой на небольшой особняк, чуть левее, на другой стороне улицы. Уж ему-то не пришлось ничего объяснять, и так было ясно, что нам предстоит нанести визит нашему недавнему гостю. Разумеется, он не приглашал нас, но, как бы выразился мой учитель, тут имеет место быть дуалистическая ошибка.

С одной стороны, не в его интересах нам помогать, если хочет выиграть пари, но с другой — одновременно он должен изо всех сил помочь, если желает выжить сам и найти «убийцу» брата. Так что важнее — тысяча фунтов или собственная жизнь?

Для меня эти понятия ни на ломаный пенс не равны. Хотя бы потому, что жизнь вот она есть, а целую тысячу фунтов я отродясь в руках не держал, это же сумасшедшие деньжищи! Да будь у меня целая тысяча фунтов, я бы, наверное, я бы...

— А вы что узнали, сэр?

— Бестактный вопрос, — одобрительно подмигнул мне мой учитель, чуть приподнимая цилиндр над головой, — но не могу не признать, что по делу. А поскольку дело выше всего, то отвечаю — да, я много чего выяснил.

Мы постучали в двери. Тишина. Возможно, мистер Хоуп ещё не вернулся к себе, а его экономка отсутствует по другим делам?

— Ладно, мы навестим их чуть позже, например, завтра. А сейчас нас ждёт ресторанный обед и — в театр, ведь сегодня дают «Риголетто». Экспериментальная версия, новый тенор!

— А у нас есть билеты?

— У нас всегда есть всё. Кстати, кажется, вон там на углу вроде бы есть небольшой паб. Видишь ирландский трилистник? Перекусим?

Паб оказался несколько дальше, но мы дошли. Вряд ли мне стоит описывать само заведение, вы наверняка бывали в таких, и не раз. Явный минус ирландских пабов — хаотический дизайн, шумная атмосфера, грубоватый пролетариат, хамоватый бармен. Несомненный плюс — всегда отличное пиво и неплохая деревенская еда. Всё просто, вкусно и сытно.

— Одну пинту «Гиннесса», чёрного, как моя душа, — едва ли не с порога потребовал Лис, первым провоцируя всех кого можно. — Мальчику пастуший пирог с бараниной и чай. Сосунок ещё молод для настоящего пойла!

Бородатый бармен молча кивнул. Народу в зале было немного, но все как на подбор работяги с ближайшей стройки: полмили к северу реставрировали какой-то протестантский собор, и четвёрка крепких небритых парней во главе с бригадиром-гризли зашла промочить горло.

Судя по тому, что к нам привязались уже в первые минуты, пили они эль, смешанный с виски, в простонародье называемый ёрш. Я знаю, о чём говорю, моя бабуля его любит...

— Эй, рыжий, — поднял лапу медведь, — а ты не слишком лощёный для этого заведения?

— Да, бар для богатеньких голубков на три квартала ниже по улице, — почти хором поддержали его.

Мой учитель демонстративно дождался пива, сделал длинный глоток на полпинты и только тогда ответил:

— Клянусь святым Патриком, кое-кому здесь не помещает прикупить хороших манер. А мы припёрлись сюда по делу Элтона Хоупа, бедный парнишка страдает под диктатом злого дядюшки. Не слышали? А то нам ещё надо успеть в оперу...

В ответ нам грянул хохот! О Ньютон-шестикрылый, как они все ржали, буквально задыхаясь в пароксизмах смеха, хватаясь за живот и падая на пол. Неужели слово «опера» их так развеселило?

— Понятно, — поджал губки мистер Лис. — Тогда давай один на один, верзила?

Пока все орали, хлопали в ладоши, били кружками об стену и заливали в глотку эль, бармен тихонечко подал мне дымящийся пирог и чашечку свежезаваренного английского чая со сливками:

— Ваш спутник полный дурак, если позволите вам заметить, сэр.

— Не позволю. Он мой учитель!

— Ну его проблемы, эти ребята регулярно ломают кости не только посетителям, но и друг другу. Просто так, смеха ради. Со всем почтением, сэр.

Я достал из кармана личных три шиллинга и положил на стойку:

— Примите в счёт чаевых.

Бармен сгрёб деньги:

— А Элтона здесь знают все, дрянь человечешко, сэр...

— Хм... Тогда ещё один шиллинг на лиса, — как мне показалось, достаточно тихо предложил я, но почему-то услышали все.

— На медведя! Ставлю три пенса! Четыре на то, что он закопает рыжего под мостовую! Два пенса на то, что полиция приедет слишком поздно! Фигня, она вообще сюда не заглядывает, ставлю на бригадира-а!

Я спокойно отошёл в сторону, сел в уголке и, перенеся тарелку с пирогом, воздал должное обеду. Как там выкрутится мистер Ренар, волноваться не приходилось, он сам всё затеял, значит, у него есть какой-то план. Мой наставник обожает разговаривать с людьми, в этом якобы и есть его метод расследования самых запутанных тайн.

Однако каким образом драка в ирландском пабе могла бы приблизить нас к разгадке дела Элтона Хоупа, ума не приложу. Но ладно, пусть всё будет как будет...

— На руках, по-честному, без реванша, — предложил Лис.

Бурый гризли, злобно ухмыльнувшись, тут же сел напротив него за стол и поднял огромную лапу:

— Иди ко мне, лисёнок!

— Ирландские штучки принимаются? — обернулся к бармену Ренар.

Тот неуверенно кивнул, и в тот же момент мой наставник буквально вылил себе в горло оставшиеся полпинты, одним возвратным взмахом расколов пустую кружку о лоб медведя!

Бригадир на секунду замер, свалить его с ног таким ударом было невозможно, но хитрому лису хватило именно этой секунды замешательства, чтобы резким движением кисти положить огромную лапу на стол. Победа! Чистая победа!

— Майкл?

— Сижу пью чай. Нам пора, сэр?

— Думаю, да. Джентльмены, если у кого-то ещё есть вопросы или претензии, встречаемся после девяти вечера у театра в Вест-Энде, — вежливо обратился он к обалдевшим работягам и откровенно подмигнул медведю: — Дру-

жище, никогда не стоит связываться с лисом, который пьёт «Гиннесс». Мы поняли друг друга, верно?

В оплату за наш обед пошёл наш же выигрыш.

Уже на улице я в голос завопил:

— Кебмен! Кеб-ме-эн!

К счастью, почти сразу же нас подхватил рыжий жеребец с чёрной гривой и ирландским профилем.

— Куда прикажете, сэр?

— Театр «Виктория Палас», Вест-Энд. Если доедем за час, плачу полгинеи!

— Прошу прощения, сэр, — заметно смутился возница. — Полгинеи — это слишком большая сумма, сэр. Я не умею петь, сэр...

— Гинея! — с восторженным придыханием бросил мой учитель, первым запрыгивая в уникальный кеб с непоющим кебменом.

Почти час мы ехали в тишине, имея возможность отдохнуть и обменяться полученной информацией. В смысле я внимательно слушал своего учителя.

— С меня обещанный рассказ. Понимаешь ли, мальчик мой, мне было несложно притвориться налоговым инспектором, чтобы выяснить несколько странных моментов. В первую очередь тот факт, что налоги за доходные дома оплачивал именно Джошуа Хоуп, исчезнувший брат. Джон не касался семейных дел и стал проявлять к ним интерес, лишь после того как пропал его родственник. Также мне показалось подозрительным, что во всем доме (допустим, я успел опросить лишь восьмерых жильцов) никто и близко не слышал, чтобы его племянник баловался наркотиками. Мне не удалось поговорить с экономкой, уверен, она могла бы рассказать много интересного, если бы не...

— Она тоже пропала?

— Ты проявляешь чудеса дедукции. Её нет в особняке и нет в доходных домах.

Я покраснел, Ренар крайне редко хвалил меня, и всегда по делу, так что, наверное, мне всё-таки было чем гордиться. Ну хоть немножечко?

— О, по факту она просто не появлялась на работе два последних дня. Хотя наблюдение за жильцами входит в её прямые служебные обязанности. Ну и кроме того, как говорят, именно она крайне лояльно отзывалась о молодом Хоупе. А тогда вся эта история принимает более пикантный оборот и заслуживает своей тысячи фунтов...

Я задумался. В этом таинственном расследовании детали и подозреваемые менялись так быстро, что совершенно непонятно, за кем же мы ведём слежку и кого в конце концов ищем?

— Кстати, ты обратил внимание на то, как эти работяги из паба отреагировали на имя Элтона? Они впали в неконтролируемое веселье.

— Сэр, а зачем вы затеяли весь этот балаган?

— Чтобы ты имел возможность поговорить с хозяином заведения. Когда у человека есть более важные дела, например, не допустить погрома, то он на автомате отвечает честно.

— Бармен назвал Элтона дрянным человеком.

— Человечишкой, — поправил меня мой учитель. — Я всё слышал.

Кебмен аккуратно и быстро привёз нас в нужную часть Лондона, остановив паровую машину напротив одного из самых известных городских театров. И, кто бы что ни говорил о превосходстве венской или санкт-петербургской оперы над лондонской, лично я свято убеждён — в таком прекрасном здании практически невозможно петь плохо, на тебя стены обрушатся! И это будет только справедливо...

На небольшой площади перед входом, осаждаемые вездесущими енотами с остатками утренней свежей «Таймс», толпились люди и «близкие к природе». Все, разумеется, благородные, элегантно одетые, важные. Кто-то выходил

из привычных кебов, а кое-кого и личный паровой экипаж доставил. Новеньких машин было ещё не так много в столице, поэтому они всегда привлекали внимание. В них ездили только самые крупные богачи!

Кстати, не то чтобы мистер Ренар не мог себе это позволить, он имел состояние, да и частные расследования оплачивались весьма неплохо, но должен признать, что мой учитель был чрезвычайно скромнен и сдержан в быту. Свежая сорочка, кофе по-бретонски, немного омлета и французские гренки с маслом, вот вроде и всё, что требовалось ему для счастья.

В его доме правил всего один дворецкий, ни служанок, ни экономок, ни лакеев, ни поваров, ни телохранителей. Зачем? Но, если мне когда-нибудь удастся переманить к себе такого уникального человека, как Шарль, наверное, я буду плясать у камина дня два, словно индейский вождь, одержавший самую большую победу в бою над бледнолицыми и тут же продавший им же все земли племени за огненную воду!

— Ах, это же душака Ренар! — неожиданно обратилась к нам немолодая леди в дорогом полупальто и высокой шляпке. — Вы тоже решили посмотреть эту новую экспериментальную постановку? Говорят, это совершенно свежий взгляд на старую добрую оперу.

— О да, леди Кингли. — Мой учитель мгновенно склонился в галантном поклоне для поцелуя ручки, и... в его цилиндре появилась дырочка от пули.

Кто-то закричал, кажется, свинец разбил фонарь одного из кебов. Раздались полицейские свистки, но найти стрелка в такой толпе было попросту невозможно. Да мы и не пытались, Ренар быстро цапнул меня за руку и, ловко петляя между театрами, словно лис, уходящий от охотничьих псов, затащил меня в двери театра. Два билета он достал из портмоне (откуда они там взялись, я понятия не имею, но, скорее всего, об этом заранее позаботился всё тот же Шарль).

— Сэр, в нас опять стреляют? А вы говорили о новом прекрасном приключении.

— Одно никогда не исключает другого, Майкл, — несколько нервно откликнулся он. — Пройдём-ка в буфет, мне надо принять рюмку успокоительного. Да и ты, думаю, не прочь перекусить чем-нибудь поделикатеснее пастушьего пирога?

Я ничего не ответил, но громкое бурчание в животе всё сказало за меня. Юношеский организм всегда отличается хорошим метаболизмом, тем более что мой учитель настаивал на регулярном приёме пищи, и если что-то где-то не совпадало, то это непременно следовало наверстать. А пирог действительно был маленьким, и десерт в пабе не подавали. Так что мне было чем заняться в театральном буфете на втором этаже.

Лис быстро занял столик у окна, что давало ему возможность, оставаясь в тени портьеры, наблюдать за находящимися на улице. Официант подал ему кофе с коньяком, передо мной поставили тосты с мягким сыром и чай. Можно было заказать полноценный обед, но я, честно говоря, хотел поскорее разделаться с едой и пойти походить по театру.

Рано умершие родители не успели сводить меня хоть на какой-нибудь спектакль, пьющей двоюродной бабушке оно вообще не было нужно, поэтому для меня, четырнадцатилетнего мальчишки, казалось совершеннейшей сказкой попасть в этот храм Мельпомены. Примерно как если бы меня встретил остроухий Пан и пригласил прогуляться в вересковые пустоши страны фей...

— Если ты сыт, то иди разомнись, — милостиво разрешил мой учитель. — Я подожду тебя здесь, но, будь добр, вернись ко второму звонку!

Я воробышком слетел со стула, даже не успел сказать «спасибо». Мне открылись широкие коридоры с паркетным полом и украшенным лепниной потолком. На стенах висели портреты великих композиторов, писателей и

драматургов в золочёных рамах: Марло, Вивальди, Шекспир, Моцарт, Китс и другие.

Вперемешку с ними под стеклом демонстрировались старые театральные афиши, наверное, ещё прошлого века. По коридорам важно прохаживалась богато одетая публика, сверкали бриллианты и золото, поход в театр всегда приравнивался к выходу в свет. Дамы шли под руку с кавалерами, леди и джентльмены, люди и «близкие к природе» составляли довольно пёструю компанию театралов, давно знакомых и знающих друг друга.

— Напомните, друг мой, кто поёт сегодня Риголетто? — приподнимая очки на носу, спрашивал высокий волк в морской форме, с наградами на груди и характерными капитанскими бакенбардами. Его спутница, милая круглолицая девушка лет восемнадцати, непрерывно краснела и хихикала.

— Н-некий испанский тенор, на-атуральный блондин, из зем-мель басков, — чуть заикаясь, приветливо ответил ему немолодой джентльмен в тёмно-вишнёвом фраке. — Ужасная тр-рагедия, г-господа, уместно ли рассказывать при д-даме?

— Просим, просим, — захлопали ещё две остановившиеся пары.

— Говорят, в юн-ности он купался в Ниле н-нагишом и кр-рокодил откусил ему, п-пардон... Но зато голос! Какой голос! Теперь от б-баса до ф-фальцета, господа!

Не знаю, кто бы счёл подобную историю забавной, если это правда, так просто жуть, а если нет, то смысл врать людям? Но театралы, как я понял, весьма своеобразный народ, они смущались, смеялись, громко аплодировали, и я едва не пропустил первый звонок.

Торчать тут до второго не было смысла, в буфете меня терпеливо дождался мой учитель Лис. Я ускорил шаг, стараясь тем не менее лавировать на ходу, чтобы не вреза-

ться носом в пузо какому-нибудь судье или адвокату и не наступить на чей-нибудь хвост или шлейф платья благо-родной матроны, привезшей выгуливать в театре сразу шестерых своих разновозрастных дочерей.

— Сэр?

— Ты быстро вернулся, мой мальчик, — рассеянно пробормотал Ренар, покачивая в пальцах пустую чашечку из-под кофе. — Пододвинь свой стул. Посмотри в окно. Нет, не прямо, а боковым зрением!

Я послушно скосил глаза. Вроде бы ничего особенного, Вест-Энд вообще довольно оживлённый квартал, тут всё шумит, движется и шевелится, столичная жизнь не затихает до глубокой ночи. Но тем не менее, электрод Аквинский, меня ведь зачем-то просили посмотреть? Я на секунду прикрыл глаза, медленно выдохнул и заметил две неподвижные фигуры. Минуточку...

Худой констебль у фонарного столба, видимо, задумался о чём-то своём. А вот в десяти шагах от него так же замерла маленькая, невысокая фигурка женщины в простом сером платье и накидке с капюшоном. Ростом выше енота, но почему-то мне показалось, что она не человек.

— Собака или коза, — предположил я.

— Почти в яблочко, это овечка. Причём отлично маскирующаяся и прекрасно осведомлённая о нашем маршруте. Смотри, она стоит ровно напротив служебного входа, держу пари, что со вторым звонком она попытается...

Раздалась мелодичная трель второго звонка, и фигура довольно резво метнулась к дверям, пропадая из поля нашего зрения.

— Когда им нужно, овцы могут развивать приличную скорость на коротких расстояниях. Что ж, нам пора в зал, опера ждать не будет

— Но, сэр, разве мы не попытаемся найти её и...

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1. Волк в овечьей шкуре</i>	5
<i>Глава 2. Фокусник из Палермо</i>	53
<i>Глава 3. Возвращение Крейзи Лизы</i>	87
<i>Глава 4. Чёрный профсоюз</i>	134
<i>Глава 5. Четырнадцать мышат</i>	160
<i>Глава 6. Визит Слепого Пью</i>	197
<i>Глава 7. Букингемская рапсодия</i>	220
<i>Глава 8. Воздушный поцелуй</i>	249